

Гао Линъяо отдал снадобья и по всем правилам должен был отбыть, однако продолжал неподвижно сидеть у ложа. Шэнь Хуайцзюнь нахмурился и, слегка закашлявшись, отвернулся, не желая продолжать разговор. Намерение выставить гостя за дверь читалось без труда.

Однако Гао Линъяо, будто бы не замечая этого, лишь насупился:

— Отчего болезнь так разгулялась? Какие снадобья ты принимаешь в последнее время?

Шэнь Хуайцзюнь промолчал. Удар небесного грома раздробил его меридианы, а в раны проник холодный яд. Недуг сплёлся столь сложно, что лекарства лишь глушили боль, но не способны были исцелить.

— Всё в порядке, — ровным голосом отозвался он.

Гао Линъяо окинул его взглядом: хрупкие плечи, изнурённый лик, смоляные волосы на фоне бледной, точно снег, кожи. Перед ним сидел человек, державшийся из последних сил, но всё равно упорно твердивший, будто ничего не произошло. И чем сдержаннее выглядел Шэнь Хуайцзюнь, тем тяжелее становилось на душе у Линъяо.

«Конечно... Если бы на моём месте оказался тот юнец за дверью, Шэнь Хуайцзюнь прильнул бы к его плечу и жаловался на боль».

Пальцы Гао Линъяо бессознательно впились в деревянный край ложа. Превозмогая упрямство, он не сдвинулся с места и сухо нащупал новую тему:

— Владеть силой, способной подавить Повелителя призраков, — это поистине поразительно.

— Призраки отличаются от демонов и оборотней, — тихо проговорил Шэнь Хуайцзюнь. — Они рождаются между небом и землёй, являя собой лишь форму, которую принимает душа заклинателя после смерти. Их нельзя просто уничтожить, можно лишь запечатать.

Гао Линъяо вскинул голову.

Шэнь Хуайцзюнь задумчиво коснулся рукояти меча и продолжил:

— Чтобы одолеть Повелителя призраков, я сперва рассеял его плоть ураганным порывом, обрёл истинную суть, а затем, задействовав Великую формацию телепортации, изгнал обратно в Царство призраков. Впрочем, тонкости управления заклинанием ветра ещё требуют глубокого осмысления.

— Вот оно как! — оживился Гао Линъяо. — Призрачные заклинатели прятались в тенях целую сотню лет, но мы всё же нашли их уязвимое место! К тому же этот способ открыт нашим

орденом Цинсяо, теперь великие кланы заклинателей проникнутся к нам ещё большим почтением!

Губы Шэнь Хуайцзюня чуть изогнулись в едкой полуулыбке.

— Мой замысел был иным: на Торжественном собрании Цинсяо соберётся немало искусных заклинателей. Ты обсудишь с ними все подробности и поведаешь об этом всему миру, дабы каждый мог противостоять нежити.

Гао Линъяо закивал, но Шэнь Хуайцзюнь вскинул взгляд:

— А потому... мне пора отдохнуть. Этот Талисман Возвращения Духа начертан твоей кровью из самого сердца, так что заberi его.

Гао Линъяо замер и лишь спустя долгое мгновение пробормотал то, что действительно было на уме:

— Я лишь видел, как ты слаб, и хотел позаботиться...

Шэнь Хуайцзюнь лишь тихо усмехнулся:

— В этом нет нужды.

Гао Линъяо мгновенно вспыхнул, лицо его залилось краской гнева. Наследуя тайны своего клана, он почитался одним из редчайших мастеров талисманов во всём мире самосовершенствования. Тысячи людей стекались к нему с горами золота и драгоценностей, даже Бай Шэн всегда был с ним ласков и приветлив, и лишь этот человек...

— Такой Талисман Возвращения Духа я могу начертать за пару месяцев! Забирай себе, экая невидаль, — язвительно бросил Гао Линъяо и, взмахнув рукавами, покинул покои.

У самого выхода он почти столкнулся с юношей, который от скуки ковырял косяк двери. Услышав шум, тот поднял голову и с недоумением спросил:

— Так я чей-то человек? Человек Шэнь Хуайцзюня?

Гнев волной захлестнул Гао Линъяо. Не сдержавшись, он в сердцах рявкнул на юношу:

— Да, ты! А вот я им больше не зовусь!

С этими словами он гневно выскочил из двора.

Мо Яньхань застыл в растерянности, слегка протрезвев от этих выкриков. Шагнув в спальню, он уселся на край ложа и послушно опустил голову на сложенные руки.

Шэнь Хуайцзюнь протянул руку, погладил его по мягким коротким волосам и слегка потянул за узкую ленту:

— Будь умницей, поддержи меня ещё немного... Рёбра невыносимо болят.

На спине остался ушиб — обычная людская невзгода. Будь Шэнь Хуайцзюнь простым смертным, его спасли бы обыкновенные травы, но в теле, что застыло меж бессмертием и земным естеством, любой недуг укоренялся так глубоко, что снадобья бессильно отступали.

Мо Яньхань послушно кивнул, превратившись в живую опору. Однако, когда его грудь прижалась к груди Шэнь Хуайцзюня, он отчётливо услышал, как медленно и тяжело бьётся чужое сердце. Постепенно ему показалось, будто и его собственное сердце подстраивается под этот размеренный, угасающий ритм.

— Что ты там говорил чуть раньше? Прощался? — прижавшись к его плечу, точно ластящийся котёнок, с закрытыми глазами небрежно спросил Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань в дурмане соскальзывающего сознания выложил правду:

— Не хочу оставаться на этой горе.

Едва слова слетели с губ, как он спохватился, осознав, что сболтнул лишнее.

Впрочем, Шэнь Хуайцзюнь не рассердился, лишь тихо молвил:

— Неужто тебе надоело учить техники заклинателей?

Мо Яньхань нерешительно буркнул:

— Ты тяжело болен, так что я останусь. Буду менять повязки, подставлять плечо... Но не смей заставлять меня учить техники и даже не пытайся уговаривать.

Юный Владыка призраков посчитал, что и так проявил верх великодушия, так что дальнейший торг неуместен.

Однако Шэнь Хуайцзюнь лишь вздохнул:

— Яньхань, в юности я и сам безумно любил сбегать на волю. Порой пропускал занятия, за что Учитель свайной линейкой сбивал мне ладони в кровь, — тихо заговорил он. — Но Заклинание Очищения Сердца тебе освоить необходимо. Твой разум уже помрачён дыханием Владыки призраков.

Мо Яньхань насупился. Надо же, «помрачён дыханием Владыки призраков»! Будто Повелитель призраков — какой-то злодей из злодеев, способный убивать одним лишь дуновением.

— Сперва в тебе проснулась жажда крови, и ты вознамерился сварить Лю Чжая, затем начал величать себя «сиим владыкой»... Яньхань, сущность призрака поглощает тебя, а ты этого даже не замечаешь, — сокрушался Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань косо взглянул на него и, повинувшись внезапному порыву, спросил:

— А что, если я и есть Владыка призраков?

На изнурённом, полном печали лице Шэнь Хуайцзюня вдруг мелькнула кроткая, забавная улыбка:

— Но ведь я — заклятый враг Владыки призраков. И что же, ты собираешься меня проглотить?

Мо Яньхань опешил. Его взгляд неосознанно скользнул ниже, к ослепительно белой, полупрозрачной коже. Кажется, каснись её клыком — и тут же проступит кровь.

Юный Владыка призраков прикусил язык и не молвил больше ни слова.

Вскоре Шэнь Хуайцзюнь совсем выбился из сил и прилёг отдыхать. Мо Яньхань зажёл сандаловое благовоние и, на цыпочках покидая его спальню, вернулся в свои покои.

Бошэ тем временем бережно тащил в клюве к чайному столику белый фарфоровый кувшин. Завидев Мо Яньханя, ворон испуганно сжался:

— Повелитель, я вовсе не пытался угадать ваши мысли! И не думал, что вы останетесь в ордене Цинсяо! Я просто... просто берёг кувшинчик, только и всего! — судорожно запричитал Бошэ.

Однако Мо Яньхань даже не взглянул на него. Подойдя к письменному столу, он ненадолго задумался, расстелил лист бумаги и обмакнул кисть в чернила.

Бошэ, сгорая от любопытства, переступил с лапки на лапку, перелетел к столу и чуть не свалился от изумления: юный Владыка призраков выводил строки Заклинания Очищения Сердца!

— Пойдите, Повелитель, я что-то недопонимаю! Вы действительно намерены учиться этому заклинанию у Бессмертного господина Шэнь?

Ещё вчера Владыка вопил о несмываемом позоре, с чего бы вдруг такая перемена?

Мо Яньхань подпёр подбородок кистью и, немного поразмыслив, изрёк:

— Нельзя сказать, будто я у него учусь. В Царстве призраков Заклинания Очищения Сердца отродясь не водилось.

Он вскинул голову и строгим тоном добавил:

— Сие именуется тайновидением и перенятием мастерства! Не знаешь — молчи!

В главном чертоге ордена Цинсяо Бай Шэн возлежал на ложе и с мягкой улыбкой смотрел на Гао Линъяо.

— Помятуя о немощи дяди Шэня, ученик вчера навестил его от вашего имени, Учитель, — пояснил Гао Линъяо, преподнося россыпь флаконов и сосудов, набитых духовными снадобьями высшего качества.

Бай Шэн с отеческой лаской отмахнулся:

— Экая малость, пустяковая царапина... — Но тут же переменил тон: — Слышал, ты пробыл в его двореке довольно долго. Вы о чём-то говорили?

Гао Линъяо замер на мгновение, после чего с напускным равнодушием отозвался:

— Ни о чём особенном. Дядюшка Шэнь меня не жалует, вот и выставил за дверь.

Напряжение, тенью сковавшее лик Бай Шэня, рассеялось. Он со вздохом промолвил:

— Твой дядюшка сам не свой с тех пор, как вернулся из Пруда Уничтожения Бессмертных. Поступись гордостью ради меня, не держи на него зла, к тому же...

— Полно, — раздражённо оборвал его Гао Линъяо. — Учитель, я не хочу о нём говорить.

Улыбка в глазах Бай Шэня расцвела ещё ярче:

— Что ж, не будем. Давай лучше испробуем свежего сбора этого года.

Едва принесли чайную утварь и Гао Линъяо поднёс пиалу к губам, как в покои вбежал перепуганный юный послушник:

— Истинный господин, беда! Старший брат отправился в бамбуковый дворик с духовными снадобьями, а тот мальчишка просто выбросил все склянки вон!

Взгляд Гао Линъяо ожесточился:

— Выбросил и выбросил, чего расшумелся?

Послушник, недавний пришелец в ордене, заикаясь от страха, выкрикнул:

— Но... но ведь то были лекарства бессмертного ранга!

В тот же миг все присутствующие в чертоге в изумлении уставились на поднос со склянками, на котором покоились снадобья лишь высшего, но отнюдь не бессмертного качества.

<http://bllate.org/book/20545/2131281>